

Моск. новости. —
2000. — 14 июля. —
с. 20.

Ошибки лирического тенора

Николаю
Гедде — 75

Искусство Николая Гедды, голос которого почти 40 лет звучал в ведущих оперных театрах мира, принадлежит одновременно двум культурам: шведской и русской. Тонкий интерпретатор русской вокальной музыки, Гедда в начале 80-х с огромным успехом гастролировал в Москве и Ленинграде. С Николаем Геддой, юбилей которого широко отмечается во всем мире, встретился наш лондонский корреспондент Ефим БАРБАН.

— Как вы приобщились к музыке?

— Я начал петь в 5 лет. Моим первым учителем музыки был отчим Михаил Васильевич Устинов, служивший регентом в русской православной церкви в Лейпциге, где мы тогда жили. В 6 лет я уже читал ноты и начал петь у него в хоре. Кроме церковных песнопений, я исполнял и русские народные песни. Помню, меня ставили на стул, и я бойко выводил старинные романсы — многие плакали. В 1934 году, после прихода Гитлера к власти, мои родители решили переехать в Швецию. Там я продолжал петь в цер-

кви, и только в 19 лет начал серьезно заниматься музыкой.

— В молодости у вас были музыкальные кумиры?

— Первым был австрийский тенор Ричард Таубер. Затем я влюбился в голос Джильи, и до такой степени, что начал его имитировать: мне долго пришлось избавляться от его вли-

яния. Из русских певцов в молодости я очень любил Сергея Лемешева, мне нравился и Козловский, но в меньшей мере. Собинова в то время я еще не знал, хотя сейчас собрал практически все его записи. Однако очень многим я обязан человеку, который не был ни певцом, ни музыкантом. Это англичанин Уолтер Легге, муж великой певицы Элизабет Шварцкопф, услышавший меня в Стокгольме в начале моей карьеры и предсказавший мне блестящее будущее. В то время он был продюсером на фирме грамзаписи HMV.

— Ваш голос называют лирическим тенором, но вы поете и драматические партии. Как это вам удается?

— Конечно, у меня самый настоящий лирический тенор, который я старался не утруждать и не насиловать. Но мне удалось его развить до такой степени, что я справлялся и с партиями для драматического тенора. Так, в Большом театре я исполнил партию Германа из «Пиковой дамы» Чайковского. Однако уже во время генеральной репетиции я понял, что

моему голосу не хватает мощи для исполнения одной из его арий в финале первого акта. Тем не менее я исполнил эту партию несколько раз и больше к ней не прикасался. Помню, уговорили меня исполнить Арнольдо из «Вильгельма Телля» Россини. Это необычайно виртуозная партия, однако после трех-четырёх раз я постарался о ней забыть. То же самое случилось, когда меня убедили спеть вагнеровского Лоэнгрина. И опять: три-четыре исполнения, после которых я постарался не возвращаться к этой партии. Вот эти ошибки и создали миф о том, что мне по плечу якобы и партии драматического тенора.

— Когда возник ваш интерес к романсу?

— Еще в молодости — к русскому романсу и французскому камерному вокалу. Я думаю, мне помогло знание европейских языков — я свободно говорю на шести языках и, естественно, пою на них. Мне никогда не хотелось ограничивать себя оперным репертуаром. Камерное пение, как мне кажется, требует более глубокой и изощренной

музыкальной культуры. Как правило, здесь певец имеет дело с поэтическим текстом и более серьезным, чем в опере, литературным и музыкальным содержанием. Своими удачами я считаю исполнение и запись вокальных циклов Шуберта, Грига, Бетховена.

— В кругах русской эмиграции на Западе вас считают русским певцом, а в музыкальных справочниках вас называют шведским тенором. А что вы думаете сами?

— Мне очень близка шведская культура и шведская музыка. Шведский — мой родной язык. Но я бы сказал, что в моем голосе действительно есть что-то славянское, типично русское. Возможно, причина кроется в детском вокальном опыте. Но и воспитание в семье благодаря отчиму было русским. Он был казаком, родился в небольшом селе неподалеку от Новочеркасска. Мать — шведка, родом из Риги, которая входила в то время в состав Российской империи. Поэтому когда меня называют русским певцом, мне это не кажется слишком уж грубой ошибкой.

Николай Гедда в Павловском дворце в Петербурге. 1994 год

ИТАР-ТАСС